

«В смерти Есенина было что-то невозможное...»

[А. Г. Лысов. *«Березовый меридиан»*. Леонид Леонов и Сергей Есенин, Ульяновск: УлГТУ, 2005, 139 с.]

Написанная легко и свободно, книга с необычным метафорическим названием производит впечатление скорее «филологической прозы», нежели классического научного исследования, все требования к которому в ней, тем не менее, выдержаны. Новая книга известного литературоведа, живущего в Литве, Александра Лысова *«Березовый меридиан»*. Леонид Леонов и Сергей Есенин издана в Ульяновске в рамках проекта о сотрудничестве между Ульяновским Техническим и Вильнюсским университетами. В столь непростой географии заключена и непростая судьба книги, которая могла бы при должном тираже стать бестселлером не только для исследователей и вузовских преподавателей литературы XX века, но и для учителей-словесников, для студентов-филологов, для тех, кто приходит в библиотеку рядом с домом, чтобы взять там книжечку «для души». И для тех любителей есенинских строк, чей дом в небольшой деревне среди алтайской степи или на юге Красноярского края, возле лесистых сопков, да и в любой другой «точке» огромной некогда советской страны, встретит вас есенинским портретом – молодым, кудрявым, быть может, даже собственноручно выжженным на фанерной дощечке и заботливо отлакированным...

На обложке новой книги не это «классическое» растиражированное изображение Есенина, а довольно редкий снимок, на котором молодой поэт в костюме, при галстуке и, что особенно непривычно – с гладко уложенными назад непокорными кудрями – обликом больше похож на городского жителя;

а рядом – Леонид Леонов, такой же молодой и красивый. Они о чем-то беседуют на этой символически разорванной фотографии... Снимок сделан в 1924-1925 гг., в период близости двух художников слова, как сейчас многим покажется, столь разных, что – о чем говорить? Но ведь что-то обоюдно влекло их друг к другу. Однако и снимок, долгое время существовавший в усеченном виде, и сам факт недолгой, но оставившей «пожизненный» след в леоновских произведениях дружбы остаются малоизвестными в силу разных причин, важнейшую из которых называл сам Леонид Леонов: «Чьи-то ревностные руки старались оградить меня от Есенина, но выходило, что отделяли и Есенина от меня. Будто это было возможно. На том и держалась однобокая культура наша. При всем этом нелишне напомнить: по тем временам люди исчезали не только с фотографий».

В этом и заключается отличие книги А. Г. Лысова от, на первый взгляд, близкого ряда исследований разных авторов о литературных взаимосвязях творчества Л. Леонова: «Леонов и Булгаков», «Леонов и Ахматова», «Леонов и Волошин», «Леонов и Пришвин»... Оно в том, что предметом книги Лысова становятся не только и не столько литературные параллели, типологическое родство, интертекстуальные пересечения, а символическая трактовка Леоновым есенинской судьбы, «растворенная в самом воздухе и романа (“Вор”», и, как сегодня видно в итогах, в его творчестве в целом».

Размышления о том, «сколько гибелей шло

к поэту», составили первый раздел «Березового меридиана». Тайну смерти поэта А. Лысов осмысляет сквозь призму леоновского творчества, в котором Есенин – одна из сквозных и остро ощущаемых тем. Литературоведческим «расследованием», «детективом» можно бы назвать поиски ответа на этот до сих пор не дающий покоя вопрос. Отвергая «неумные трактовки есенинской трагедии, которые обвалом новых сенсаций... не столь давно прошли сквозь современные журналы и телешоу», А. Лысов говорит о внутренней трагедии человека, сопряженной с жестоким насилием времени. Отделяя правду от лжи, распутывая клубок тончайших деталей и разных свидетельств, приводимых в пользу двух версий, исследователь обращается к живому слову Леонова, высказавшего незадолго до смерти в личной беседе с Лысовым свое мнение в ответ на заданный об «облачке» есенинской судьбы вопрос. Л. Леонов – не только свидетель эпохи и друг поэта, он еще и большой писатель, по-своему отвечающий в своих самых разных произведениях на домыслы о том, как и почему пришел поэт к роковой итоговой черте.

Книга А. Лысова – от загадочного названия до продуманного оформления – плод давно вынашиваемой исследователем темы, отдельными фрагментами уже обозначавшейся в печати¹. В законченном виде книга предлагает к рассмотрению леоновскую концепцию есенинской судьбы. Согласно трактовке писателя, трагическая жизнь Сергея Есенина вписывается в контекст российской национальной драмы: «Сергея погуб на рубке леса...». Именно эта цитата из «Бродяги» Леонова становится ключевой и выносится в заглавие итоговой главы. «Стоит ли удивляться

---

¹ Лысов А. Г. «Сергея погуб на рубке леса...» Мотивы судьбы и творчества Есенина в рассказе Л. Леонова «Бродяга» // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – №4; Он же: Чертеж на снегу. «Ключи Марии» к «Пирамиде» Леонида Леонова // Леонид Леонов и русская литература XX века. – СПб: 2000

тому, – пишет А. Лысов, вчитываясь в Леонова, – что крестьянского мечтателя Серегу ранним, кстати “хмурым” и со снежком, утром “захлестнуло” деревом на начинавшемся еще в 1920-е годы всероссийском лесоповале».

«Есенинский» образный «код», как убедительно показывает А. Лысов, присутствует в разных произведениях Л. Леонова. В полуфантастическом рассказе «Бродяга» (1928) – это трактовка трагической гибели, зашифрованная в смерти Сереги и жизни Чадаева, соединяющих в себе есенинское и чадаевское начала. В романе «Вор» (1928/1959), название которого исследователь расшифровывает как «Великая Октябрьская Революция», образ Есенина «начинает *пространствовать* во всем повествовании». «Ангельская проекция Есенина» обнаруживается в последнем, итоговом произведении писателя, «Пирамиде» (1994). Второй раздел книги А. Лысова полностью посвящен именно есенинскому «ключу» к этому роману. Лысов виртуозно дешифрует чертеж устройства вселенной, который сделан ангелом Дымковым на снегу в романе Леонова. И оказывается, что этот чертеж – не что иное, как «золотое сечение есенинской символической философии», данное поэтом в статье «Ключи Марии». Причем в книге есть иллюстрации реконструированных по есенинской статье и по леоновскому тексту чертежей, представляющих собой весьма любопытные знаки, отчасти сходные с уже имевшими место в мировой культуре.

Вторая часть книги написана столь же увлекательно и легко, как и первая, и должна заинтересовать в большей степени знатоков или ценителей творчества Леонида Леонова и тех, кого способен увлечь сам процесс собирания из «осколков разбитого есенинского зеркала» леоновского образа Поэта. Подобно терпеливому «следопыту» и «собирателю» отмечает А. Лысов стихотворные есенинские реминисценции и аллюзии, скрытые цитаты, на которые Леонов был мастер, а также все мельчайшие вкрапления, касающиеся Есенина в леоновских текстах.

Постепенно вырисовывается круг говорящих деталей (таких, как «дымок», «кленовый листок», «березовая рожица», «обогревательная труба», «чемоданные ремни»), значимых мотивов – мотив захлестнувшей петли, связанный с персонажами «Бродяги», «Вора», «Пирамиды», мотив «мытарств души» и другие. Словно смешанные части паззла, разрозненные по произведениям Леонова, многочисленные «есенинские свидетельства» кропотливо собраны и сложены А. Лысовым в цельную картину. И хотя в литературоведении как-то не принято оперировать статистическими выкладками, само количество найденных А. Лысовым «знаков» позволят сказать не просто о важности есенинской темы для писателя, но о том, что в творчестве Леонова есенинская проблематика

обретает воистину символическое звучание. В самом общем виде это символ того, «как исторгается из мира, сдавленная загустевающей магмой страдания, веществом бытия высокая душа».

Почему все-таки «березовый меридиан», а не «широта»? что за «звездный иероглиф в русской азбуке» открывается через есенинскую статью «Ключи Марии»? как подобрать «ключи Марии» к русской литературе и что нового в ней эти ключи открывают? – ответы на эти и другие вопросы найдет в книге А. Лысова заинтересованный читатель. Остается только позавидовать той восхищенной радости открытия, к которому тому, кто еще не читал книгу А. Г. Лысова, предстоит приблечься.

Наталья Непомнящих